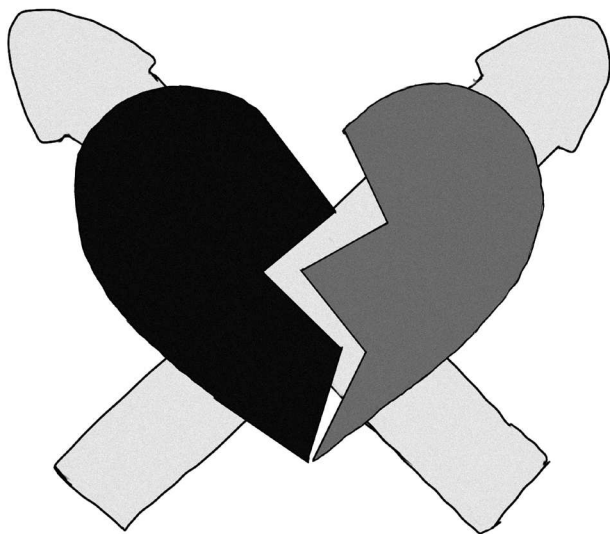

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

КГВТ+

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П24

Серия «Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин»

В оформлении переплета использованы
изобразительные работы *Виктора Пелевина*

В коллаже на обложке использована
фотография и иллюстрации:

© Total art, rudall30, ivn3da / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Серия «Pocket book»

Художественное оформление серии *Степана Костецкого*

Пелевин, Виктор Олегович.

П24 KGBT+ / Виктор Пелевин. — Москва :
Эксмо, 2023. — 560 с.

Вбойщик KGBT+ (автор классических стримов «Катастрофа», «Летитбизм» и других) известен всей планете как титан перформанса и духа. Если вы не слышали его имени, значит, эпоха green power для вас еще не наступила и завоевавшее планету искусство B2B (brain-to-brain streaming) каким-то чудом обошло вас стороной.

Но эта книга — не просто очередное жизнеописание звезды шоу-биза. Это учебник успеха. Великий вбойщик дает множество мемо-советов нацеленному на победу молодому исполнителю.

KGBT+ подробно рассказывает историю создания своих шедевров и комментирует сложные факты своей биографии, включая убийства, покушения и почти вековую отсидку в баночной тюрьме, а также опровергает многочисленные слухи о своей личной жизни.

Настоящее издание впервые включает повесть «Дом Бахии» о прошлой (предположительно) жизни легендарного вбойщика в Японии и Бирме.

Книга не только подарит вам несколько интересных вечеров, но и познакомит с аутентичными древними психотехниками, применение которых позволит пережить нашу великую эпоху с минимальным вредом для здоровья и психики.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-191198-0
оформление 1
ISBN 978-5-04-191189-8
оформление 2

© В. О. Пелевин, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Описанные в книге люди, баночно-мозговые сущности, события и обстоятельства — вымышлены. Всякое сходство с экстралингвистической действительностью случайно. Любая попытка обнаружить в книге какие-то намеки и параллели является рептильной проекцией антинародного ума и подсознательным вредительством (статья 83.34 уголовного уложения Доброго Государства).

Said the straight man
To the late man:
«Where have you been?»
I've been here and I've been there,
And I've been in between.

King Crimson

THE STRAIGHT MAN. ДОМ БАХИИ

В наш грозный двадцатый век с его верой в могущество разума и «коллективное творчество масс» (певцы прогресса отчего-то не узнают в нем отката к пирамидам), солдатом быть почетно, а служителем культа стыдно. Достоинства и недостатки моего происхождения, таким образом, уравнивали друг друга.

Не буду называть своего прежнего имени. Оно теперь не играет роли (в конце рассказа причина станет ясна). Я отпрыск самурайского рода, отличившегося в войнах, давшего стране много воинов и — нелепое, но обычное соседство — буддийских бонз. По семейной традиции я должен был стать священником, а со временем — настоятелем небольшого храма недалеко от Токио.

С раннего детства я мечтал о творчестве. Увы, я был начисто лишен талантов. Кое-чего достиг только в каллиграфии и, как ни странно, кукольном искусстве.

Недалеко от моего дома жил старый мастер, делавший кукол *хина* и *муса* для ежегодного

го кукольного фестиваля. Он трудился целый год и продавал весь запас за несколько первых дней марта. Работал он не спеша.

Я приходил к нему и подолгу смотрел на его труд, подавая материалы — ткани, набитые соломой мешочки, кусочки дерева (они были окрашены в белый цвет ракушечным пигментом), крохотные прически, сделанные из черного шелка или женских волос. Император, императрица, придворные...

Особенно мне нравились куклы воинов. Я помогал мастеру, когда он делал фигурки Тоетоми Хидэеси и его генералов. Меня волновал блеск лака на шлемах и доспехах. Оружие из тонких металлических пластинок было по-настоящему острым — один раз я здорово порезал палец крохотным мечом.

Я знал, что эти куклы живы — хоть, может быть, и не так, как я. Практически без помощи старика я сделал из отходов его производства пару самураев, сидящих на походных стульях. Старик одобрил мою работу, сказав, что у меня есть призвание к этому искусству.

Сам же я был куклой не вполне для Японии обычной. Воспитывали меня в вольнолюбивом светском духе — и образование мое было весьма глубоким, с европейским уклоном. Я несколько лет посещал Токийский императорский университет.

Выучив английский (и немного немецкий), я прочел в оригинале уйму великих книг, обучавших жителей Европы убивать своих королей и жечь города. В китайской древности жечь предпочитали именно смутные книги — и с превосходным для общественной нравственности результатом. Но времена изменились.

Латинские буквы всегда напоминали мне крохотные сосуды — бутылочки, чашки, изогнутые мензурки и витые пробирки. Содержащийся в них яд сомнения и свободы отравил мой доверчивый юный мозг, и я стал воспринимать духовную традицию, которой призван был служить, с известной долей скепсиса.

Выйдя из университета, я провел несколько лет в монастырях, где постигал учение Будды — вернее, его недостоверное, но прекрасное эхо, распространившееся в Китае и стране Ямато. Вместе с другими монахами я стучался в двери минувшего, решая учебные загадки-коаны и предаваясь созерцанию.

До сих пор помню узор на досках пола, куда я смотрел из-под опущенных век, держа в уме *му-коан* — такой же неизбежный в Дзен, как прыщи в юности.

Мастера Джошу спросили, обладает ли собака природой Будды. Он сказал «му», то есть «нет». В чем смысл такого ответа?

Как решал этот парадокс двадцатый век?

На самом деле мастер Джошу иногда говорил «да», иногда «нет». Природу Будды имеет все живое; обладать природой Будды нельзя, ибо кто есть обладатель, и так далее — эти инстинктивные движения ума ведут к ошибке. Ум при решении коана должен молчать. Отвечать нужно точно так же, как Джошу: звуком «му», не вкладывая в него ни «да», ни «нет». «Му» — это просто «му».

В школе Риндзай это знает любой служка. Учитель проверяет, насколько яростно и непобедимо мычит ученик, до какой степени он растворяется в своем мычании; звук «му» должен исходить из низа живота и обладать несокрушимой силой...

Вдумавшись в происходящее, уже тогда можно было понять, что Империю готовят к страшной бойне. Но задним умом сильны мы все.

Мое «му» никогда не было особенно сильным. Ум не желал умолкнуть — и видел в практике коанов удобный бюрократический протокол, за которым целые поколения настоятелей и бонз могли без труда спрятать свою тупость.

Секта Дзен, отрицая ритуалы, сводит к ритуалу вообще все; но ритуал этот засекречен и ученики гадают о том, как бы им не сесть в лужу. А старшие монахи и мастера, знающие

секретный протокол, тем временем выпивают, спят и изображают мудрость. Когда понимаешь это, становится смешно.

Сводить коаны к ритуалу, конечно, неверно — в них был когда-то смысл, и глубокий. Но за века их лезвие затупилось. Где сегодня взять монаха, подходившего к Джошу со своей заботой о природе Будды? Фальшь здесь в том, что тебя заставляют отвечать на вопрос, который перед тобой не стоит, и просветление от такого метода будет в худшем случае декоративным, а в самом лучшем — еле слышным эхом чужих озарений.

«Не опираться на слова и писания...»

Эх-эх, шептала европейская часть моего ума, вот насмешили. Ведь и коан про «му» — это из области слов и писаний. Откуда же еще? Секта Дзен не опирается на слова Будды, это факт — но очень ценит черные сопли собственных бонз, размазанные по бумаге.

Слова и писания занимают в секте Дзен такое же место, как половые сношения в викторианской Англии: все тщательно делают вид, что подобного не существует, но хорошо знают, вокруг чего вертится на самом деле жизнь.

Мой вольнолюбивый скепсис, однако, проявлялся не в том, что я подвергал сомнению постулаты Учения, а в том, что я презирал условности, которые следовало — хотя бы внешне —

соблюдать монаху и священнику. Лицемерие казалось мне отвратительным.

Я не делал особых усилий, чтобы скрывать обычные для молодого человека наклонности и импульсы, и в результате одной некрасивой, но не слишком серьезной истории, получившей огласку, распрощался и с монашеской робой, и с семейной привилегией.

В семье мне этого не простили. Оправдываться я не стал.

Сейчас это кажется странным, но я почти не ощутил горя от разрыва с близкими. Да что там, я почти не заметил случившегося. В то время воздух был пропитан электричеством; мир стоял на пороге величайших перемен, и страна Ямато готовилась сказать человечеству свое грозное непререкаемое «му».

Монастырская жизнь, что бы про нее ни говорили, закалила меня. Я привык вставать в предутренней темноте, мыться ледяной водой и довольствоваться простой и грубой пищей. Эти навыки вряд лигодились бы мне, стань я действительно настоятелем храма — но в армии они кстати.

По случаю своего вступления в ряды императорской армии я написал стихотворение, подводящее итог моим душевным метаниям:

Пистолет
системы «Намбу».
В обойме восемь «му».

Так я оказался младшим офицером в Бирме.

Сразу получить чин помогло знание английского и немецкого. Меня планировали использовать для допросов пленных англичан и коммуникаций с германским союзником. Поэтому на передовую я не попал.

✱

Я уже говорил, что считал себя европейцем в душе — но мысль о надвигающейся битве с англичанами, владыками морей и хозяевами мира, наполняла меня одновременно восторгом и страхом.

Европейской стороной своего ума я понимал эту раздвоенность вполне: *эдипусу-комплексу*, или, говоря проще, мазакон. Аффект, связанный с фигурами отца и матери.

Как учит пророк психоанализа Фрейд, человек испытывает к отцу противоречивые чувства, смесь почтения с подсознательным желанием убить старика и занять его место (я сам не читал Фрейда, но часто наталкивался на пересказ этих идей в популярных журналах).

Я вспомнил об этом, когда впервые увидел в бирманских джунглях мертвого англичанина.

Меня поразили цвет его кожи — темный, почти коричневый. Он был еще молод, но лицо его выглядело морщинистым и старым, как бы задубевшим под ветром и солнцем. Он похо-

дил на мумию, колдовством поднятую из праха и отправленную воевать.

Его форма была выцветшей и старой, а голове покрывала белая тряпка, которую я сперва принял за марлевую повязку. Но это оказался тюрбан — он, видимо, хотел защитить себя от солнца. На его рукаве была странная нашивка со злобно выгнувшей спину черной кошкой.

Все в его облике выдавало такую обездоленность и нищету, такое личное ничтожество, что меня передернуло от отвращения и сострадания.

И эти люди владеют миром? Если так, пришло время бросить им вызов... Впервые в жизни я ощутил себя частью восходящей нации, вышедшей биться за великое будущее. Самое главное, я почувствовал наше право на такое будущее. Что бы ни шептала моя европейская часть, теперь она будет знать свое место.

Через несколько минут мне объяснили, что передо мной всего лишь мертвый индус из семнадцатой дивизии — англичане, как обычно, сумели заставить одних азиатов убивать других.

Ощущение морального превосходства над культурой белого человека, испытанное из-за глупой ошибки, было, конечно, сладким, но недолгим; это была галлюцинация голодного матроса, увидевшего на горизонте соткавшуюся из тумана землю и решившего, что на нее можно поставить ногу.

Наивно полагать, что военная пропаганда не действует на мозги. К счастью, я понял это сам.

Случай этот заставил меня задуматься и о другом.

Эти люди — индусы, чьи неубранные трупы лежали в джунглях — когда-то подарили миру учение Будды. А потом вернулись к провинциальному водевилю индуизма с его карнавальными мифами и зооморфными богами, поступив с дарованной им истиной примерно как иудеи с приходившим к ним Христом. Я в некотором смысле был духовным наследником древних индусов, жильцом пещер, покинутых ими еще в Средние века.

Это было поразительно.

Впрочем, так же обстояло и с христианством в Европе. Современный европеец не видит ничего странного в том, чтобы поедать отвергнутое евреями тело их пророка. Пути культуры и духа неисповедимы. Но все-таки, все-таки... Неужели прекрасный бронзовый будда из Камакуры родом из нишей тьмы?

Вся Бирма полна изваяний Будды — сидящих, стоящих, лежащих в паринирване: их здесь больше, чем статуй Ленина и Сталина в большевистской России. Но раньше я не задумывался над тем, что учение Будды сохранилось в этих джунглях почти в том самом виде, в каком существовало при его жизни.

Это был буддизм Малой Колесницы, которую Большая Колесница презирала.

Редкий мастер Дзен не уделит нескольких ядовитых слов «последователям сутр», и отношение, конечно, передается ученикам. Сарказм этот даже не направлен на адептов Малой Колесницы: поговорив со здешними монахами, немного знавшими английский, я понял, что «сутрами» мы называем совершенно разные вещи.

Никто здесь слыхом не слыхивал про Сутру Сердца, заучиваемую в нашей секте наизусть. Я прочитал одному монаху мантру оттуда — самую распространенную в дальневосточной Махаяне. Ее они точно должны были знать:

Gyate Gyate Naragyate Harasogyate Bojisowoka...

Но оказалось, что у них в ходу другая главная мантра, почти повторяющая этот ритмический рисунок:

Namo Tassa Bhagavato Arahato Samma Sambuddhasa...

Мантра из Сутры Сердца, если попытаться перевести ее (что сложно сделать точно), означает следующее: «уходящее, уходящее, далеко уходящее, дальше далекого уходящее, просветление, славься». Бирманцы же говорят нечто вроде: «поклон ему, благословленному, совершенному, самопробужденному».

Как будто кто-то подменил старинное заклинание другой последовательностью слов, близкой по длине и звучанию.

Высокая поэзия — и ритуальная формула, возвеличивающая Будду. И в том и в другом была красота, но такая разная.

В мантре из Сутры Сердца билось сердце возвышенной эпохи Нара, там были треск сверчков, рябь ветра на воде, отразившаяся в пруду луна — вся поэзия страны Ямато.

Бирманская формула как бы впитала в себя пыль веков, она завораживала своей древностью — была, кажется, старше Римской Империи и даже походов Александра Македонского.

Я мало знал про учение Малой Колесницы. Слышал только, что оно опирается на сутры Палийского канона и содержит строгие правила, регламентирующие каждый монашеский чих. Мне казалось, это просто набор архаичных форм, пустая шелуха зерна, из которого выросло великое дерево Махаяны. Все, что было в этом зерне живого, давно уже приняло другие формы... Так меня учили.

✱

Пока я разглядывал статуи Будды, беседовал с монахами и размышлял о высоком, война разгоралась — но я оставался в тылу.

До меня доходили смутные слухи о зверствах, совершаемых нашими солдатами на мате-

риковом Китае. Я не знал, правда это или военная пропаганда врага. Но, если честно, кого из солдат, пригнанных на убой, заботят такие вещи? Мир слишком жесток к ним, чтобы они заботились о других. Лучшие из военных думают о судьбах Империи, худшие — о своей шкуре...

Я был, пожалуй, из худших, хотя шкурой своей полагал скорее совесть, чем тело. Я не мог остановить маховик смерти, но решил в душе, что умру по своей воле, если меня заставят убивать мирных людей. К счастью, благодаря хорошей карме я был избавлен от соучастия в жестокостях. Из-за статуса переводчика мне не нужно было обагрять руки кровью.

Англичане отступали по всему фронту. Наши лихо обошли Рангун — но после этого германского по своей стремительности маневра зачем-то сняли блок-посты на ведущем из города шоссе, позволив врагу уйти. Произошло это, как часто бывает, из-за слишком буквального следования приказу. Но Рангун в любом случае достался нам, английский радар в нем больше не работал, и наши летчики смогли наконец взяться за работу.

Вроде бы кампания развивалась по плану, но в середине апреля произошло событие, в котором можно было увидеть тревожное предвестие будущего. Американцы в первый раз бомбили Японию с воздуха — им удалось под-